

Татяна БЕК УЗОР ИЗ ТРЕЩИН

Татяна БЕК

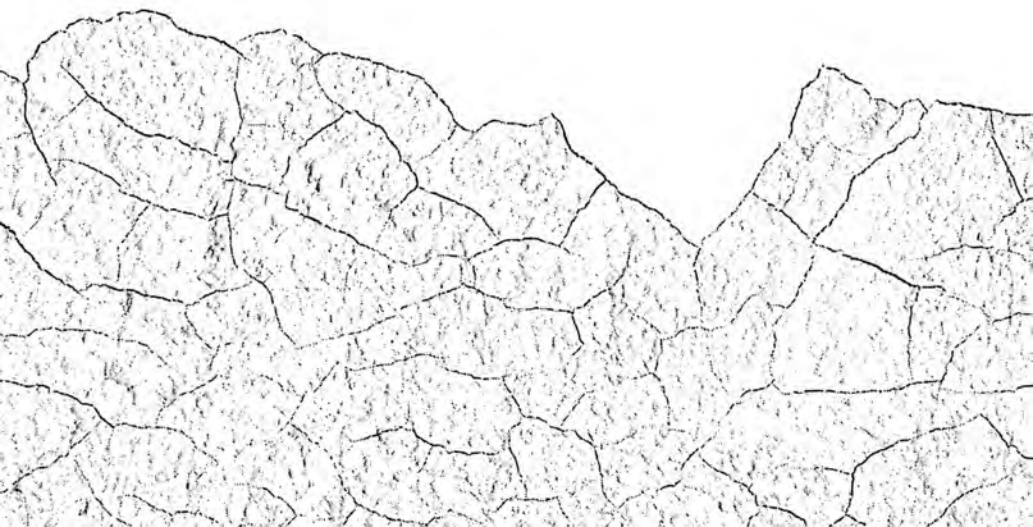
Узор из трещин

Стихи недавних лет

Татьяна БЕК

Узор из трещин

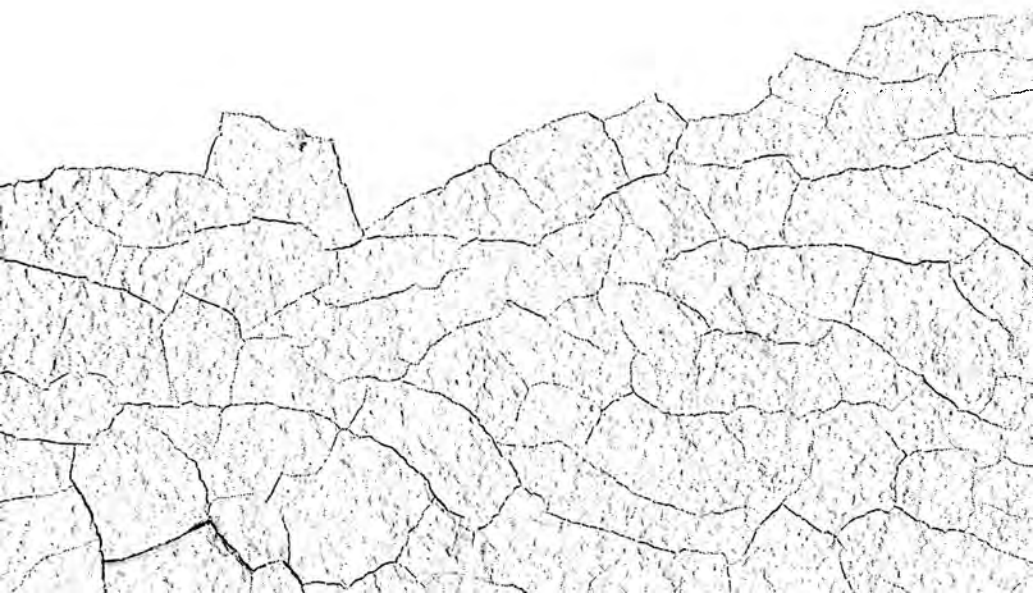
Стихи недавних лет

Татъяна БЕК

Узор из трещин

Стихи недавних лет

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)5
Б 42

Бек Т. А.

Б 42 Узор из трещин: Стихи. Предисловие Евгения Рейна.
Послесловие автора. – М.: ИК Аналитика, 2002. – 112 с.
ISBN 5-93855-012-2

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)5

«Итак, кривой автопортрет на фоне кривой яви написан – и если оказывается, что выражает он нечто более универсальное, чем твое частное «я» и твой отдельный хаос, – это и есть награда, это и есть преодоление одиночества и чужести, это и есть твое творческое не зря...»

В новую книгу Татьяны Бек «Узор из трещин» вошли стихи и лирическая проза последних лет.

ISBN 5-93855-012-2

© Татьяна Бек, 2002
© Людмила Бек, оформление, 2002

Простота и загадка

О стихах Татьяны Бек

Перебирая страницы этой книги, уже оказавшись в плену ее обаяния, все время задаешься вопросом – откуда она пришла, явилась, поэзия Татьяны Бек? Стихи простые и загадочные, убедительные и убежденные в своей правоте, настойчивые и вместе с тем стремящиеся что-то доказать самим себе.

Трудно понять происхождение этой поэзии, очень самостоятельной, оригинальной, идущей прежде всего от жизни, от судьбы и личности ее автора и лишь в последней степени – от литературы.

С первых же строк – постоянный спор с собой, пререканье, неразбериха. Думаю, что главная удача ранних стихов Татьяны Бек была в том, что они и органично происходят из реального, трудного, подлинного авторского характера, и точно обрисовывают его. В них нет юношеского фантазерства – здесь проступает живой человек. Он захвачен врасплох, он не успел выдумать своей роли, затеять игру, набросить на себя заемное покрывало. Его нескладность затруднительна в этом мире, но он не собирается стесывать себя в угоду общепринятому. Это шероховатый характер, но – упаси Господи – не слабый.

Сказано, что поэзия – чувство собственной правоты. Так оно и в этом случае.

В стихах Татьяны Бек не обнаружишь пустой витиеватости, выпренности, котурнов. Они – производное реальности, но отношения поэта с реальностью единственны, неповторимы, мучительно проникновенны. И это во всем. Происхождение. Предки. Отец. Тропы любви. Люди, окружившие поэта. Расположение, отвращение и к миру, и к себе. И, пожалуй, только неяркая природа, чаще всего пригородная, всегда мила и приязненна. В ней неизменно – благо и утешение.

И тогда появляются скромнейшие, но такие важные строки:

*Смерть огромней, чем жизнь,
но реальной, чем символ.
Это знание лежит у судьбы в подоплеке...
Бог пришел и баюкает: деточка, спи, мол,
А проспишься – иди и расти по дороге.*

Как это написано? Просто и загадочно. Точно... точные слова, точные приметы, точные и яркие краски, точные рифмы.

Может быть, это примитивно? Нисколько. Потому что стихи Татьяны Бек произрастают из глубокого внутреннего слоя и стремятся куда-то вверх и вдаль, где решаются главные вопросы бытия: что есть гармония, что есть тайна, что есть счастье человека?

Поэзия Т. Бек как дерево: ствол изнутри обрастает кольцами, ветви – листвой. Постепенно в ней появились дальние страны, она наполнилась и даже переполнилась людьми, событиями, чувствами. Но здесь нет и в малой степени перечислительности, преискуранта, набора случаев. Даже география книги – это страны души, а не стороны света.

И в каждом, буквально в каждом стихотворении – одна сверхзадача: прорваться сквозь живую жизнь, сквозь быт и увидеть высокую сферу, которая держит человеческое существование...

Стихи последнего десятилетия явственно отличаются от предшествующих. Крона дерева мощно зашелестела (неслучайно параллельно стихам Т. Бек стала писать вдохновенную мемуарно-лирическую прозу – расширение окоема). От былой оголенности, краткости, сжатости поэт перешел к речи, порой захлебывающейся, где слова от строфы и до строфы кипят, как водопады на порогах. В начале 90-х Т. Бек это себе предсказала:

*Все пульсирует, изнемогая
От желания заново быть.*

При этом «шероховатости речи – лучшее, чем я владела», почти исчезают в новых стихах Татьяны Бек. Они и другие, и те же, а ведь это и есть д о р о г а. Еще Блок говорил, что чувство пути – самое драгоценное, что может быть у поэта.

В нынешних стихах Татьяны Бек появляется нечто принципиально иное и даже неожиданное в ее поэтике: это некие темноты, как бы размытость смысла, возможность разноречивого понимания и толкования стиха. Вещь в современной поэзии известная. Но и она здесь совершенно своеобразна и незаемна. В этих стихах темнота – продолжение

переполнившегося смысла, многодетального наплыва реальности. Слишком многое сразу хочет сказать поэт, потому что-то он пропускает, а что-то умножает. Одно надо додумать, другому позволить размножиться и настоять на своем.

Стихи не изменили себе на протяжении жизни – просто сегодня они вырвались из узкого русла и вместе с поэтом вместили в себя всю ширь окоема, всю высь поднебесья, всю глубину существования.

Закрывая эту удивительную книгу, задумываешься о многом, становишься и богаче, и пронительнее, и лучше. И понимаешь, что поэт провел тебя сквозь чашу бытия, он сам понял и тебя научил, как –

*Не отрекаясь от «презренной прозы»,
В нее вдохнуть мерцание светил.*

Евгений Рейн

* * *

Кто там – Кашей или добрый колдун?
Красное солнце над черными елями.
На голове моей, видишь, колтун:
Я не расчесывалась неделями.

Солнце нежданное – выкормыш тьмы.
Ретироваться и прятаться некуда.
Жду откровения, чуда, чумы,
Напоминая невесту и рекрута.

Треснули от напряженья очки.
Стая взлетела – воронья и галочья.
(О, неужели – опять в новички
И в персонажи из Федор Михалыча?)

Да. Не получится выжить в норе –
Только в миру, обязательно в мороке,
Где вместо точек – сплошные тире
(«Авторский список», как скажут текстологи).

Если *кипит*, то *бежит* молоко...
Видишь: кипела – бежала – не выросла.
(Не уходи и теперь далеко,
Детская жажда загадок и вымысла).

Кто там – вещун или злой чаровник?
Пряди расчесаны. Кофта парадная.
...Снова берется писать черновик
Жизнь окаянная,
жизнь ненаглядная.

Наведя порядок,
мы долго еще плутали,—
Имена чужие и числа
распутывая как нити...
— О, мои снегири и люди,
летите в любые дали,
Но пока живите, но только повремените.

3

Морок кончился, ура:
Гимн сыграем на баяне,
Даже если жизнь — дыра,
И мура, и куча дряни.

Будем в «классики» играть,
Будем в «ножички» сражаться,
И на солнце загорать,
И в озерах отражаться,

И ходить, чеканя шаг,
В неотглаженной одежде...
— Ненавижу! Сам дурак, —
Я чуть что кричала прежде.

А теперь скажу: — Прости.
Дура — я. Отныне будем
Петь,
и гибнуть,
и расти,
Свет не застя добрым людям.

* * *

*Так, благодать и милость (Твоя) да
сопровождают меня во все дни жизни моей,
и я пребуду в доме Господнем многие дни.*

Псалом 22.

Эй вы, мои други-вороги,
всё жрете, хитрите, пляшете?
Ну, нетушки: злomu соборищу
даю от ворот поворот.
Господь меня успокоит
на злачной, зеленой пажити
И за руку к тихим водам,
как Пастырь (бочком), сведет.

Да. Он мою душу морит,
чтоб стала блаженно-крепкою,
Он правдою озаряет,
как лампою, путь земной...
Пускай дорога к вершине
репьем заросла с сурепкою,
Я их не боюсь, поскольку
Твой посох теперь – со мной.

Я – грешная, я – пропащая,
я мечена злыми шашнями,
Но даже мою макушку
Его умастил елей.
Мне с Ним хорошо – как в детстве,
пока мы в ладу с домашними...
О, жить бы в Господнем доме –
чем далее, тем светлей!

* * *

*Ибо знает Господь путь праведных,
а путь нечестивых погибнет.*

Псалом 1

Не блаженная, нет! Знай ходила в совет нечестивых
И шаталась по грешным, порочным, безбожным пирам...
Не в велениях Господа черпала волю, забыв их, –
Но в гордыне, унынии, похоти, трам-тарарам!

О, Псалтырь обещает: – Ты станешь как древо при речке,
Коль законы Его соблюдешь. Будешь вовремя цвести,
И листом шелестеть, и плоды приносить без осечки,
Успевая (от слова «успешно») во всем, что ни есть.

Нечестивцы и грешники (прах, возметаемый вихрем:
Дескать, прочь от людей, коротающих век по любви), –
Так и жизнь проиграем, и горькие слезы не вытрем,
И падем на стезях исхищрения... Господи, останови!

* * *

С откоса, где в Волгу впадает Ока,
Мне Новгород Нижний
Сквозь обморок нежный
Открылся...

«Ты видишь свеченье?»

– Ага, –

Мне друг улыбнулся, слепой и кромешный.

(...В весеннем поту оседали снега,
Как век, опозоренный, лживый, потешный,
Под коим – под веком и снегом – века...)

Как долгие эры, текли облака –
Над местной минутой, ничтожной и грешной,
Где все-таки не одинока Ока.

– О, как мы блаженны во тьме безутешной,
Введенной в свои – не свои – берега, –
Ты видишь, ты видишь, ты видишь?

– Ага.

* * *

Все мои близкие сходят с ума –
Я-то сама уже год как сошла
И потому говорю не со зла, –
Сходят, как снег, когда полужима –

Полувесна... Полоумная речь –
Талой водою... Последняя дочь,
Я не могу своим близким помочь.
...Я не хочу себя больше беречь.

* * *

Думая о вольности и верности,
Об изнанке, что равна поверхности,
О Каштанке, – я была глупа,
Как перебродившая толпа.

Ощущая вывихи и промахи
Ворохом сирени и черемухи,
Я была до дна искажена –
Никому не мать и не жена.

На исходе страшного столетия
Подошла к необратимой Лете я
И стою на влажном берегу...
Не хочу. Не знаю. Не могу.

* * *

Солдат, сынок, инвалид
С бутылкой наперевес.
...Звезда, как маяк, стоит
На чёрной воде небес.

Старуха, шептунья, тля
С похлёбкою для собак.
...Полночная спит земля,
Лицо окунув во мрак.

Ставрогинской складки двор
Ломает свою комедь...
А время глядит в упор:
Рождение – тяга – смерть.

* * *

Привыкай – разворачивай – режь –
Отрывайся – тай – не тревожь...
Я устала от ваших депеш.
Я устрою дебош.

Не хватало, чтоб дух лебезил!
И – как спьяну, дрожа –
Я булыжник швырну в лимузин,
Проезжающий мимо бомжа.

Обожаю сей град,
При чужих ненаглядный стократ.
...В память детскую, как в конуру,
Как дворняга, забьюсь – и умру.

* * *

Напраслину впитав, а не оспорив
И облик изначальный потеряв,
В чужое поле вмерзла, как в апокриф,
С утратою намерений и прав.

Да будь мой опыт начисто размолот!
Я начинаю

заново,

как Ной.

...Черёмуха цветёт.

Смертельный холод.

И мостик в лето – душно–ледяной.

* * *

Не унижайся, не падай навзничь,
Превозмогая – не сквернословь...
Время горит, как Мария Лазич:
Спичка – отвергнутая любовь.

В зеркало смотришь – оно пустое.
Сны полоумствуют. Явь крива.
...Много ли проку в твоём настое:
Слёзы, и водка, и трын-трава?

Сядь в электричку, и выйди в тамбур,
И задохнешься, как в первый раз
(Больно – поэтому б е з метафор):
Просто осина и просто вяз.

Он от тебя Свою Волю прячет,
И, не осилив земную дрожь,
Ты как звено распаялась... Значит,
Самоизъятием цепь спасёшь?

Или сиротской смолою духа
Склеить края,
        чтобы снова – в путь?
...Кладбище старое, как старуха,
Манит и гонит: «Ещё побудь».

Сколько пристало земли к подошвам!
Но, прорубая последний лаз,
Я не намерена гибнуть в прошлом.
...Просто осина и просто вяз.

* * *

Лишь гуляка есть осчастливлен!
Листопад... стихолёт... пожар...
Летний сад под осенним ливнем
За Лебяжьим мостом дрожал;

Муза плакала, и кричала,
И раскачивала кусты;
И глаза была, курчава
Аллегория чистоты;

И Крылов, изнывая в камне,
Над парадом царил зверья.
...Вся навыворот,
                                вся велика мне
Исступленная жизнь моя!

* * *

Пушу с лотка глаголы мамины:
Терпеть, бояться и беречь, –
Нет! Я за то, чтоб были пламенны
Жестикуляция и речь, –

Как роща над овражной бездною,
Вот-вот готовая в обвал...
Я – бестолочь.
Я вами брезгую, –
Кто в оторопи не бывал!

...Краюхи замысла раскрошены,
Рассудок хром, как инвалид, –
Но жар печной от скоморошины
Меня больную исцелит.

Когда я выплещусь (и выстою),
Мне ход откроется в ночи:
За станцией, за тьмой, за Истрою –
Картофельные спят грачи

По веткам...
Но любовь, как мания,
Как острый и внезапный бред,
Сорвет их бурей бессознания –
На ощупь, напрямик, на свет.

II

Кто тебя нежит и кто тебя холит,
Охра осенняя? Озеро Охрид.
Брезы (берёзы), трава, виноград,
Сельская котлина, маленький город,
Звезды глядят из небесных палат...

– О, Македонии бисерный плат!

Сентябрь 1995.

* * *

Добже, как мне бы сказали в Польше,
Словно не зная, что жизнь – беда,
Склонная длиться гораздо дольше,
Нежели предполагалось... Да.

Дурью зажатая полудетской
(Глуп нестареющий человек),
Едучи улицей Павелецкой,
Где сохранились трамвай и снег, –

И ни на миг не избывши дрожи
(Полустрадание-полуспесь),
Всё-таки я повторяю: добже!
...Всё-таки добже – теперь и здесь.

* * *

Марике Коберидзе

Это кто валандается-мается?
Это кто томится на мели?
Лиственница, горлица и матрица –
Сестры непокорные мои.

Хорошо податливым как олово –
Тугоплавким ох как тяжелей!
(...Долго-долго ехать до Савёлова
Мимо котлованов и полей...)

У земли, как у скотины яловой,
Нет сил на подвиг и на вой.
Не мори нас, Боже, не вымарывай,
Как описку в почте деловой.

Сметена очередная Герника,
Но,
    не слыша погребальных труб,
В кущах ядовитого борщевника
Мифами опился однолюб.

Погляжу на свет – ополовинена
Чаша, не подсудная уму.
...Боль терпима,
                    если на любви она
Настоялась – вопреки всему.

И. Ц.

«Родиться в России с умом и талантом» –
Несчастье! Но хуже – родиться с гордыней,
Лишенной смирения... Девочка с бантом
Глядела как в шоке на ельник, на иней,

На хлебное поле в сокровищах сорных,
На мелких улиток, закрученных туго,
На дальние звезды размером с подсолнух,
На хищных зверей карусельного круга,

На фрески в метро и на школьную доску...
Висела на брусьях. Зубрила таблицу.
Хозяйственным мылом стирала матроску
И строем ходила на «Синюю птицу».

А мир наплывал как любовь и угроза,
Как страшное и вожденное чудо...
Казалось: душа развернется как роза.
Случилось: уродливый бунт из-под спуда.

...Уже на ветру покосился треножник,
Своей кривизною судьбу повторяя.
И скоро хорей размоет раёшник –
Похожий на рой и далекий от рая.

* * *

Много ль смысла оно принесло вам –
Говорение? Горечь и вой.
...В корни слова уйти корнесловом.
Отлежаться во тьме речевой.

Ибо только
                                немой и немая
Понимают друг друга сполна,
Душ ответственных не различая...
Говорила, бубнила, спала –

Пробудилась, когда замолчала:
Так в темнице
                                встречают
  зарю!
...Начиная с азов и с начала,
Несказанное – боготворю.

* * *

Сила была могучая.

Однако ее не хватило.

Села, как ткань и голос. Разве что гонор вырос.

Вглядываюсь в очертанья жизни как негатива:

Вроде бы всё в порядке – только не плюс и минус.

Они поменялись ролями, местами и полномочьями...

Где вы,

мамины прописи и папины рубежи?

Голову сжав руками, неюными и рабочими,

Думаю, думаю, думаю, как прожить не по лжи.

Впишусь ли в чужое поле,

горчайшей слезой прольюсь ли я,

Юродивой ли училкой закончу достойный круг?..

– Спасибо за то,

Всевышний,

что время – всегда иллюзия

Реки проточной и пыточной и полной крутых излук.

* * *

Прозренья мои – как урки,
Присевшие на пригорке.
Курила всю ночь. Окурки
Страшнее, чем оговорки.

Еще я пила из кружки
Чифирь смоляного цвета.
А кошка вострила ушки,
Не видя во мне поэта.

Психуя, моя Психея,
Как лодки, качала плачи:
– О, жившая во грехе, я
Не знаю, как жить иначе.

Отпела и отгорела...
Когда ты меня отпустишь,
Бессонница *без Гомера* –
Мучительная, как пустошь?

* * *

О. И.

Даже если печаль глубока,
Не хочу, чтобы сладко глядели, –
Ибо я не гожусь для лубка
В отдаленные даже модели.

Ибо, жизнь ненавидя свою,
– Так холопы громили поместье –
Я упрямой башкой раскрою
Умиление с примесью лести!

Но весной... Когда соловей...
Но едва лишь кусты на могиле...
Я,
    не слыша гордыни своей,
Так хочу, чтобы просто – любили.

* * *

Сжала губы полубантиком,
Полу – нищим узелком...
Полно мне кружить лунатиком,
Нытиком, еретиком!

Не приемля всеми жилами
Новый паводок и слог,
Напишу – большими вилами
По водице – некролог.

Дескать, жили, были, канули
Мы – без кузни и казны, –
Не совпавшие с лекалами
Небывалой кривизны.

«Прощевайте!»

... Тем не менее

Кланяюсь тебе, Земля,
Тихо уходя под пение
(С неба) Юры Коваля.

* * *

Все равнодушной, все аморфней,
Все плоше сбивчивая кровь...
Тебя преобразят, как морфий,
Мои жестокость и любовь –

Ненáдолго. И снова ломка;
Тревоги иволга; врага
Сварганить; голосить негромко, –
Покуда радуга-дуга

Взойдет над кровью, как над рябью
Узорной: озеро... осот...
Игла – и гибель! Душу рабью
(Твою, спесивец) н е спасет

Умышленное зазеркалье,
Правдоподобное как ложь.
...Ты былью был. Тебя украли.
И мне ль распутывать грабеж?

* * *

*Мне ничего не надо.
Я падаю в себя.*

В. Ходасевич

О, покуда живешь, – как материя, зреешь,
Ибо существование алчно и сыро...
Я – избыток меня, не желающий зрелищ,
Уходящий в молекулы тайного мира, –

Чтобы там отмолчаться и выстроить долю,
Точно в школьном углу – в наказанье за норы.
...А еще я завидую зимнему полю,
Где животные могут *отдельничать* в норах!

Смерть огромней, чем жизнь,
но реальной, чем символ.
Это знание лежит у судьбы в подоплеке...
Бог пришел и баюкает: деточка, спи, мол,
А проспидься – иди и расти по дороге.

* * *

Небеса печальны, темны, волнисты...
Миновала эпоха – сменился климат.
Будетляне (следом – небывалисты)
В настоящем будущего не имут.

Говорю не праздно и не капризно,
А с трудом собирая себя по крохам,
Что моя заносчивая отчизна
Поросла полынью с чертополохом, –

Что Большой Медведицы ковш
бездонный

Истощился и нету чудес в записке...
Ты ко мне заявишься: пеший, конный
Или встав от ужаса на карачки, –

«Вот он я!» (Ненаглядный, седой,
бессильный.)

О, не будем стенать и глазами хлопать.
«Постирай рванину». И в пене мыльной
Растворятся долгие грязь и копоть.

Помнишь надпись, что на воротах ада
Не велит надеяться? Но пока мы живы,
Есть надежда, есть... На сквозняк
из сада,
Где над нашей участью плачут ивы!

* * *

Я псалмы прополощу в подкорке...
Кто мне подпевает сам не свой –
Черновик ли в мусорном ведерке,
Брошенный любовник, домовый

Или снег? А может, гулевая,
Нищая, недружная родня?
Я пою псалмы, околевая
На исходе ужаса и дня.

Не нуждаюсь в вашем потаканьи –
Ухожу далёко-далеко...
(Опухоль, съедающая ткани;
Киснущее в банке молоко;

Ржавые кусты на косогоре;
Грязная и спутанная нить.)
Я пою псалмы: какое горе
(Так в первоисточнике!) –
блудить.

Впрочем. Знаешь? Никогда
не поздно.

Скоро дух болезный отболит
И расслышан будет, и опознан,
И прощен как добрый инвалид.

* * *

Мы подростки. Мы прыгнули в кузов.
И – вперед, и – в поход, и – в побег!
Это было в эпоху арбузов,
Задаемых кашей «Артек».

На руинах разбитого храма,
Где крапива росла в алтаре,
Мы играли в «секреты» (незнамо –
От кого), мы копались в старье,

Где непарные туфли без пряжек,
И военного горна раструб,
И окурки на пару затяжек,
И заморская вещь – хула-хуп,

И весло от потопленной лодки,
И пилотка, и даже шлея...
Я и впредь лоскуты и ошметки
Почитала за гул бытия.

...Мы стареем – спесивы и жалки.
Мы уходим – опять и опять –
На зады, на руины, на свалки,
Дабы новое время понять,

Дабы, роясь в метафорах сора
И склоняясь над рухлядью ниц,
Ощутить себя частью простора
И одной из ненужных вещей.

* * *

Падаю! О, протяни мне руку.
...Вновь разобьюсь о частицу «не»
Я – обреченная на разлуку
И на балтийский закат в окне

В раме простецкой, смолистой, грубой...
Что – убедилась, оторопев?
Если над миром склоняться с лупой, –
Страшен и порист его рельеф.

Лучше – сквозь заросли, хмель и дымку.
(Вереск. Папоротник. Кизил.)
Лишь бы вповалку, впритык, в обнимку
Дух обоюдности голосил.

Стану язычницей (старой дурой)
Шишки и желуди вместе жечь –
В поздней попытке спастись натурой,
Преображающей плоть и речь.

* * *

Эта жизнь – исчадье дури
Без надежды на успех...
Жили-были. Зелье дули.
Проклинали смену вех.

Как заложники расплаты,
Непричесанные – шли
(Раз-два-три и аты-баты)
Лабиринтами земли

В башмаках от «Скорохода»
(Страшно... муторно... старо...),
Опускаясь год от года
До отметины z e r o.

...Но, гася глухие всхлипы,
Говорю себе: – Терпи! –
И прошу у Бога: лишь бы
Выжить сорняком в степи...

Лишь бы в облаке обиды
Возле станции чуть свет
Хором пели инвалиды
Песню допотопных лет.

Лишь бы ужасаться! (Если
Больно, то душа – твоя).
Лишь бы вовсе не исчезли
Злые

знаки

бытия.

* * *

То ли сполох беды, то ли радуга,
То ли Муза в мужском пальто...
Я не вашего поля ягода!
Я не ягода. Я не то.

...Грянут с неба огромные градины –
Станут прыгать, как злой горох!
Но царапины, шишки, ссадины
Равнодушьем покроем мох.

Я любила, но больше – плакала...
Комментарий

даю

к судьбе:

Если девочку стригли наголо,
То она навек не в себе, –

Как в чужой, недающей местности
(Поперек. Вразрез. Не в ладу.), –
Всю-то жизнь умирать от пресности,
Точно рыбе морской – в пруду.

* * *

Как горькая строчка на три стопы,
Как сон, поразивший с детства, –
Все чаще случаются при-сту-пы
Сиротства и самоедства.

Как длинная нитка щербатых бус,
Как школьного шелка лента...
И мир оказался старик и трус
В обличии диссидента!

Мой род иссякает теперь и здесь,
Не выдержав испытанья.
«Примета стиля – больная спесь
Твоих мемуаров, Таня», –

Мне будет голос сквозь снежный прах
(Канавы; фонарь; аптека)...
Не жизнь – лишь галочка на полях
Горящего в топке века.

Е.Р.

Истощилась и скурвилась ода
На листочках в косую линейку...
Я войду к тебе с черного хода,
Я последнюю знаю лазейку.

Ты, в рубашке в больничную клетку
И с кудрями до плеч под Бальмонта,
Стал похож на себя – малолетку,
Для которого нет горизонта,

То есть четко прочерченной грани
Меж звездой и булыжником Пресни...
Быть живым. Не зависеть от дряни.
Замышлять гениальные песни.

Ты, твердивший, что «люди не волки»,
И друзьям не дававший покою, –
Помнишь, как мы кутили на Волге
И стояли впотьмах над Окою?

Быть живым! Я не знаю лекарства.
В этом свертке – лимонные дольки,
Карандаш, табакерка, полцарства,
Память юности... Люди не волки.

* * *

О. Клиngu

Я в детстве, как лесная ель,
Мечтала, чтоб меня срубили
И нарядили в канитель
Под выхлопы и тили-тили...
Но мир свирел в свою свирель,
В сердцах одергивая: – Ты ли?

Мой ангел был мертвецки пьян,
Земные дни ополовина, –
Меня менял самообман,
Как грандиозная давилня...
Но слава Богу, что туман
Впотьмах сгущается – до ливня.

Спасибо голосу, что пел
В избытке жалости как пыла.
...Царила мель. Крошился мел.
Обожествляли конвоира...
Но дух
        свирел
                        и свирипел
По наущенью Велимира!

* * *

Какая родословная без мифа,
Который разом горек и лучист?
Мой дед
        скончался
                от сыпного тифа,
А был красавец и эсперантист.

На перекрестке времени и места,
Где вскоре воцарится кабала,
Двоюродная бабка из протеста
Взяла и яду в полдень приняла.

Вас прежде срока уложила Клио
В отдельную древесную кровать:
Не выгнула, как сталь не закалила,
Изъяла до террора... Благодать!

По возрасту – не предки вы, а дети
Мне, выросшей в массовой тупике...
А смерти нет. Есть участь – лихолетье
Как тяжкая, как общая река.

* * *

Художница пашет с утра в ателье.
Собака лежит на цементном полу.
Не терем, не замок, не дом, не шале, –
Но короб рабочий, где свалка в углу.

«Квадрат» – неуместно сказать: *окружен*,
Скорей *оквадрачен* кусками фольги.
Художница смотрит и думает «Schön?»*
На бедные смыслом квадратокрыги, –

Решая ремесленно важный вопрос:
Возможно ли кальку взвинтить изнутри?
Назавтра грядет инсталляция... («Пес,
Ты слишком живой и мохнатый, замри!»)

Ключи, фотокопии плюс ордера
Развесит по стенам, втирая повтор
В собачью сетчатку, – чтоб позже (ура!)
Сорваться – на воздух, на ветер, на двор, –

Впадая, как мелкая речка, в кураж...
А лай означает велье: «Восславь,
Играя и бегая (к черту – коллаж!),
Кривую,
        вонючую,
                        теплую явь».

А явь изнывает, и дышит, и мрет,
И плачет в подушку, и прет на рожон,
И – кукиш художнику, ежели – врет!
...Должно быть, лишь это – воистину schön.

Германия. 1999.

---

* Schön (нем.) – красиво.

* * *

Дабы пустошь музыку исторгла
(Зелень – изумление – роса!) –
Я Пегаса вытурю из стойла
На простор,
                  на холод,
                                  в небеса –

Над страницей белой, как горячка,
Над поденкой с часу до пяти,
Над двором, где каждая подачка
Требует: «Натурой доплати»,

Над урбанистической конюшней,
Купленной и сгубленной насквозь, –
Мой конек, мордатый и ненужный,
Воспари, надеясь на авось,

То есть, на крылатую повадку
И на хвост, которым гонят мух...
– Ну, лети! –
                  ...А я свою тетрадку
Подставляю, затаивши дух.

* * *

Когда ты пьешь один, когда с улыбкой мрачной
Пластинке говоришь, как девочке: «Играй» –
Я брошена, как мяч у изгороди дачной
(Уехал, забыв заколотить сарай),

И в изморози я – ненужная – зимую,
И лгу сама себе, что сторожу жилье,
И слушаю звезду, огромную и злую,
Но все-таки м о ю... Я слушаюсь ее,

Родную сироту среди чужих созвездий
(Возможна параллель, но нет, остерегусь)...
О, стол на Рождество – напротив у соседей,
Где свечки, и пирог, и золотистый гусь, –

А ты сидишь во тьме, а я лежу в канаве,
Как пионерский мяч... Сколь мощен человек,
Когда с библейских лет его не доконали
Разливы страшных бед, и катастроф, и рек!

* * *

Как расколотый орех,
Эхо грянуло в горах...
Я была твой тайный грех
Ты – мой очевидный крах.

Но исчерпанность пути
Не зачеркивает путь.
Надо вовремя уйти,
Испариться, ускользнуть

В кучевые облака
И разбиться, отлюбя,
Об леса и об луга!
...И себе – простить – себя.

Depression

Р. Леонович

Разучилась петь, и любить любовь, и ходить на речку,
Удивляться, плакать, готовиться к медосмотру,
Танцевать от печки, и снова влезать на печку,
И варить картошку, и гладить кошачью морду.

Разучилась учиться, ходить конем, а не в ногу,
Покупать билеты на поезд «Москва – Полома»,
И сушить грибы, и вскакивать на подмогу,
И читать Катулла всю ночь под раскаты грома.

Я на мир обиделась, я отвернулась к стенке,
Где узор из трещин, как иней, лег на обоях...
О, зачем подростки дерутся на переменке,
Предрекая главные битвы, погибнуть в коих

Суждено позднее? (В прихожей стоят ботинки:
Просят ваксы, хотят на улицу, ждут погоды...)
Разгадать обойные шифры, пока на рынке
В ликованьи торго звереют и мрут народы!

Разглядеть, как в лупу, царапины, пятна, дыры,
Ибо Музе – мусор (созвучье?) дорожке кладки.
...Я еще восстану! Я выйду с лицом задиры
На просторы жизни, родины и загадки.

* * *

О, девочка моя нерóдная
С пометой смерти на запястьи, –
Почти в аду, как степь безводная,
Почтив безумие за счастье,

Напяливши мешок с оборкою
И северо-восточной вышивкой, –
Сходи на нет, дыми махоркою,
Но только, заклинаю, вышагай

Языческий отрезок участи
От гибели (но нет!) до удали, –
Чтоб злые духи невезучести
Раскаялись, что путь запутали, –

Хмельная от росинки маковой
И пряча помутненный разум, –
Отнекивайся и поддакивай,
Ворон считая в небе грязном, –

Но только выживи – до августа,
До рая, до звезды, до Кая,
До зги, до вести – ну, пожалуйста!
...Я знаю: я сама такая.

Экая невидаль:
душу ограбили!
Дам ей поплакать –
и лбом поверну
В лучшие годы,
где с двойкою в табеле
Дети – ликуя! – бегут по бревну.

Вам в привет

Начала

Ирине Щербаковой

С самого начала жизнь моя, как говорят в народе, пошла слегка кувыркком или на частичный перекосяк. Сразу же – история.

Я родилась на Арбате 21 апреля 1949 года, двадцати минут не дотянув до полуночи. Тогда бы явилась на свет Божий в один день с Ильичом, к чему и стремилась моя сознательная позднородящая мама и даже, по семейной (потом уже ёрнической) легенде, просила акушера подзадержать роды. Акушер на нее цыкнул – дескать, либо Ленин, либо вы, мамаша с младенцем. И я поспешила родиться.

Меня сперва хотели назвать победно – Виктория. Но, слава Богу (какая из меня победительница?), окрестили просто Таня. В честь героини Пушкина. Так что я – Татьяна не-Ларина.

*Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой...*

В самом раннем детстве сначала была улица Башиловка, потом речка Таракановка, затем деревня Бузланово. Какие-то все татарские имена... А первую любовь (мне пять лет) звали Ледик.

Лестничный пролет между этажами. Тусклый зимний солнечный свет со двора в окно. Тайные срамные игры. Разоблачают. Наказывают. Лишают елки. Страх, что «все узнают» (– А почему ты в этом году без елки? –), синяя юбка «плиссе», а верх как матроска, короткие чулки в резинку, сказки братьев Grimm, манная каша с рыбьим жиром, тетя – моя любимая Мика, – с которой мы разучиваем на ненавистном пианино ненавистного Гедике.

А лет двадцать пять спустя мама, искренне изумляясь, спросила не без обиды:

- Откуда у тебя в стихах словосочетание «ужас детства»?
- Оттуда.

Пианино называлось «Ростов-на-Дону». Я его, уже лет в двенадцать, боля то свинкой, то корью, использовала так: подымала крышку и клала на внутреннее устройство

(металлические шутовины, молоточки, колки, струны) том Мопассана, которого мне читать строго-настрога запрещали. Долго сходило с рук. Покуда некий родительский гость не кинулся неожиданно к инструменту «наиграть мелодию», – а она возьми и не наиграйся: струны-то придавлены. Опять разоблачение. Опять кара. Опять «преступление и наказание». Опять кругом виновата.

«Фоно» наконец кому-то отдали (с Богом), а от моих неуспешных занятий музыкой навеки осталась нотная грамота в виде, в частности, песенки:

*До-ре-ми-фа-оль-ля-си...
Ты, мартышка, не форси.
Если будешь ты форсить, –
Мы не будем голосить!*

Это еще что! Основной детский фольклор тех лет был куда дебильнее. Например:

- Ты за луну или за солнце?
- За луну.
- За советскую страну.
- Я за солнце.
- За проклятого японца.

Полный бред. Но может быть (даже скорей всего), это была народная сатира, пародия на официальную идеологию «железного занавеса», на всех этих мистеров Твистеров? Ведь и во взрослых частушках звучала и тоска, и ирония.

*...Говорила баба деду:
«Я в Америку поеду».*

Далее – нецензурно.

Летом снимали дачу на Москва-реке. Ходили в платьях с «крылышками» и «фонариками», иные – в панاماх. Перламутрово-розовых червей для рыбалки собирали в коробку из-под монпансье, кажется, «Большевичка». Гамак. Крокет. Грядки с укропом. По крутым речным откосам росла полусадовая земляника и пронзительно-кислый щавель. Собирали и использовали на обед. Папа вышагивал по деревне в полосатой атласной пижаме и в тапках со шнурками на босу ногу. Здесь у него была репутация чокнутого, но он не унывал, делал по утрам зарядку на берегу в огромных «семейных» трусах и задавал местным аборигенам социологические вопросы невпопад. А если кто из нас, детей, шумел сверх меры, то он останавливал его загадочной, из допотопного городского фольклора, песенной фразой: «Алеша, ша, возьми полтона ниже и брось арапа заправлять». Смысл оставался невнятен, но

окорот, как ни странно, воздействовал.

Няня Граня (Аграфена Каурикова) была ростом с Маяковского, и размер обуви – 45-й. Она, ибо родителям всегда было некогда, упорно учила меня азбуке, точнее – алфавиту (тут Граня делала ударение на втором слоге): «А – акно (имелось в виду «окошко»). Г – горох. К – Каурикова».

Еще Граня мне сказала, что Ленин и Сталин тоже «ходили» в уборную и по-большому, и по-маленькому. Меня это поразило – и харизма вождей моментально и навсегда треснула.

Кстати, о Маяковском, на которого была похожа няня Граня. Это я не поздним умом их сравниваю – близкое сходство я сама обнаружила именно в детстве. Маяковский был первый поэт, которого Граня мне читала вслух и «с картинками»: имелся у нас такой огромный юбилейный том – эпитафия из Сталина, масса иллюстраций, фотографии, всякие окна РОСТА, «крошка-сын к отцу пришел» и так далее. Я, требуя почитать мне трибуна, но речью еще владея не вполне, кричала, воздевая руки к фолианту: «Дай – МОИ КОТИКИ (вместо дай Маяковского!)» Взрослых это очень потешало.

(Стало быть, года в три я самостоятельно въехала в рифму, притом составную и дактилическую. А Маяковского с тех пор не люблю – вплоть до несправедливой агрессии).

На даче в Александровке у соседской девочки керосином травили вшей на голове – в густых каштановых волосах, а потом взяли и постригли наголо. Она горько плакала, будучи уверена, что навсегда превратилась в мальчика. Ее все лето дразнили: – Ганс!

А меня, как только пошла в школу, дразнили, исходя из фамилии, «Бяка» или «Бекеша». Опять татарщина – прямо мистика татарская!

У Мики на коммунальной кухне в Колобовском переулке произошло при мне зловещее чудо. Сосед (или гость – точно не помню) разделяет привезенную с рыбалки рыбку – щуку. Нож огромный, острый, специально наточенный. Я ассистирую, воображая себя медсестрой при хирурге, которым я, кстати, долго мечтала и планировала стать: и впрямь пошла бы учиться в МЕД, когда бы не тотальная тупость в физике и в химии... Итак, «хирург» взрезает тугий щучий живот – о-о-о, там целая другая рыбка, как в матрешке, и он говорит: «Тоже щуренок». Вынул хищника из хищницы, и давай разделять щуренка, а в животе у того – снова рыбешка, хотите верьте – хотите нет. Выходит, огромная щука заглотила живьем речного соседа, который к тому времени тоже кого-то съел. Я вся дрожу

– то ли от азарта, то ли от ужаса. На ужин жареную щуку есть не смогла. Хирургом не стала.

Первые в жизни стихи я написала лет в шесть:

*На лугу растет цветок –
Очень синий василек.
Я сорву его букет
И поставлю вам в привет.*

Так вот и сказалось: вам в привет.

Следующие стихи были более публицистические, на злобу дня. Году этак в 60-м в Тихом океане заблудились на барже четверо молоденьких советских солдат, которые много дней провели наедине со стихией, без пищи и без пресной воды. Потом их чудом спасли – кажется, американцы, – и по нашему радио передали, что солдатам срочно была оказана медицинская помощь и приготовлена (диктор так и сказал) «грандиозная яичница». Помню, как моя интеллектуальная бабушка-библиограф всерьез спорила со своей двоюродной сестрой-педагогом, старой девой Верочкой, сколько же в этой яичнице могло быть яиц. На четверых – по три? Или больше? Не вредно ли сразу?

А молодежь (включая меня) тем временем повсеместно распевала самодельную песню:

*Поплавский – буги,
Поплавский – рок,
Поплавский съел
Чужой сапог!
Зиганшин – рок,
Зиганшин – буги.
Зиганшин съел
Письмо подруги.*

Итак, я дружно распевала это со всеми вместе, но в душе параллельно воспаряла как тайный романтик и сочинила следующее:

*Родная гармошка
И старый сапог,
А снится картошка
И пива глоток.
Штормило и выло,
Но все же ребята
Устроили пир
В день рождения солдата.*

«Пир» – это именно вареный сапог. Бабушка и Вера Соломоновна, которым я открылась, пришли в восторг и за

чаем сравнивали меня с Бодлером как автором стихотворений «Человек в море» и «Плаванье». Они до старости лет были из гимназисток и из «благородных девиц».

Кстати, про Веру Соломоновну – чуть подробнее. У нее, говорили, был жених, он погиб на Первой (да-да) мировой войне, она чуть не умерла от горя, но родители взяли и повезли ее отвлечься в Египет, где она, Верочка, ездила верхом на слоне... Теперь она живет в коммуналке на задах Склифосовского, ее очень любят ученики в школе, у нее коллекция открыток с портретами писателей, и вставные зубы, и черепаховый гребень. «Она наша ближайшая родня, она хорошая, ее обижать совсем нельзя», – просительно растолковывает мне мама, подслушав однажды, что я хоть и маленькая, но мучила ее иезуитскими вопросами. Как мучила – не скажу: до сих пор – безмерный стыд.

Первая смерть – двоюродный брат Юра. Он был красавец, он учился в Консерватории, он участвовал в Фестивале, он женился на негритянке. Он был одним из первых, отважно-вдохновенных джазистов. У него был свой «Москвич». Он, чуть за двадцать, разбился в автокатастрофе.

Шок.

С пожилой родственницей ходим по магазинам на Петровке и покупаем новые трусы, майку, носки, в которых Юру – хоронить. Она, очень полная и вся в веснушках, плачет, плачет, плачет и зачем-то все рассказывает продавщицам.

Как это: «навсегда остаться молодым»? До поры до времени не понимаю.

В Бога долго не верилось. Пока одна подружка, со двора на Песчаной, очень убедительно не рассказала, что сильно болела (нам лет по шесть), лежала одна и в жару, а мама ушла на работу. И вот она, девочка, стала молиться: «Бог, верни маму, верни маму», – и в результате молитвы мама пришла («представляешь, я молилась – и она пришла!») – и стало легче, и девочка выздоровела, и Бог есть точно. Именно тогда – до всякой церкви – я поверила.

В первый класс я пошла в школу № 144, а учительницу звали Евгения Терентьевна. Больше не помню ни-че-го. Амок.

Нет, кое-что помню. Школа была четырехэтажная, из грязно-красного кирпича. Ходили в почти тюремного вида черно-коричневой форме (а мальчики – в серой) с обязательными мешками для сменной обуви и с нарукавниками. С исключительно и только черными лентами в косах. Мне косы долго укладывали *крендельками* – была такая прическа. Потом на протяжении

детства и отрочества фигурировали вокруг и такие прически (мне и сейчас нравится их называть): *ежик, бобрлик, кок, горшок, корзинка, хала, кукиш, валик, бабетта, гаврош, «я у мамы дурочка», вишивый домик, конский хвост* и так далее.

Метафоризм обыденной речи.

На уроках физкультуры удушливо пахло резиной (маты и козлы) и потом. Когда нас, девочек, по пятеро-шестеро заставляли виснуть на брусьях, – то Физра (кличка учительницы) непременно про нас говорила, обращаясь к ждущим своей очереди мальчикам, одну и ту же фразу: – Ну, повисли как сосиски! – Сравнение было точное. А шаровары у всех – вне зависимости от пола – были сатиновые, тускло-лиловые, тоскливые.

Пеналы – перочистки – непроливайки – табель – «Пионерская правда» – проверка ногтей и нет ли в горле вонючих «пробок» – гербарий из подснежников – новые слова и новые сведенья во внеклассном лексиконе: – А у тебя отец с матерью тра-та-та? –

Самое праздничное воспоминание той поры – пускаем мыльные пузыри! Долго готовим исходный материал и инструментарий – разводим мыло (можно урюмо-коричневое «Хозяйственное», а можно ядовито-розовое «Земляничное»), размешиваем склизкую пену в воде, добываем толстую серую макаронину. Выходим на балкон. Дуем в трубочку – шар ширится, переливается всеми красками спектра, завораживает, бликует на солнце. Лопается – брызги во все стороны, – и сразу новый на смену. Красота! Еще красота – бензиновые лужи и «зайчик», пущенный из нашего окна в чужое маленьким зеркалом от маминой пудреницы. Оптическая тайна света и цвета.

Во второй класс я пошла в другую школу. Мы переехали от Чапаевского парка в район тогдашнего Инвалидного рынка, куда малолетней группой ходили как бы пробовать малосольные огурцы, чтобы ими наестся вволю. Новая школа была № 152. Интересно, зачем на всю жизнь нам запоминаются совершенно ненужные цифры и номера: телефонные, трамвайные, лотерейные? Там учительницу звали Лидия Николаевна, она была совершенно седая и бледная как мел, которым писала на доске прописи. Она была совсем одинокая: мы позднее ее, больную и на пенсии, с девочками навещали и она кормила нас жареным хлебом с солью и с луком. Задолго до нас, еще до войны, Лидия Николаевна учила Зою и Шуру Космодемьянских и бесконечно нас этим, навсегда свихнувшим

ее сознание, опытом – мучила. «А Зоя с Шурой так бы не сделали (не прогуляли, не наврали, не нагрубил)». Она и зимой, и ближе к лету ходила в мрачном темном шерстяном сарафане и в белой блузе с круглым отложным воротником, обутая в бретки – этакие закрытые туфли на пуговках и совсем без каблука. Как я теперь понимаю, она была тихая – не злая и не добрая – безумица.

В школе № 152 (впрочем, это была типичная советская бурса) вообще царило четко структурированное безумие. Завуч Неонила (за глаза мы их всех звали только без отчества, а на многих имели место и эпиграммы, вроде: «Неонила, Неонила, // проглотила крокодила») передвигалась как на протезах и чинно входила в туалет для мальчиков посреди перемены: «Чем вы тут заняты?» Директор Зинаида перед началом занятий в школе, ближе к 8-30, вставала у подножья лестницы и медленно опускала свою ладонь на голову каждой девочке: нет ли начеса? А вообще-то, получалось, что мягко била нас по голове.

Классе в третьем меня назначили играть Снегурочку, а Дед-Морозом – мою соседку по дому и по парте, самую высокую по росту и самую дисциплинированную в классе девочку Лену. Она, помню, не знала, гордиться ли почетным отличием или страдать из-за того, что назначили-то мужчиной, – так и осталась со смешанным чувством превосходства и унижения.

Мне же перешли снегуркину «шубку» из моего старого фланелевого халата – голубого в белый горох (это удачно, говорили домашние: горох как снежинки), оторочив самодеятельное одеяние снизу просто-напросто ватой в блестящих из крупной хозяйственной соли. Получилось здорово! Школьный вечер успешно минул, а дома на Новый Год – утка с яблоками, ура, и я – к особому умилению моего дяди-строителя Сергея Федоровича Макаровича – надела все тот же фланелево-ватный наряд и стала, уже после полуночи, зажигать палочки с бенгальским огнем, горящим веером держа их в руке. Искра упала на ватную оторочку, я моментально запылала факелом, потеряла скудный разум и побежала по квартире куда глаза глядят. Взрослые за мной – я от них! Совершенно отчетливо помню чувство отдельности и гибели, упоение, отчаянье, окончательную утрату рассудка, желание сгореть дотла. Влетела в ванную комнату, где хотела – пылая – запереться на крючок... Что это было?

Сергей меня поймал, скрутил, обжег руки до волдырей, облил водой, сорвал обгорелый халат. Приезжала «Скорая».

– Вы, – говорят, – отделались легким испугом! – И мне, и Сергею наложили повязки с мазью, которая терпко и надежно пахла дегтем, дали валерьянки, потом все взрослые, включая санитаров, выпили водочки за Новый Год и за удачу.

Утром, 1 января, о, блаженство: я гуляю по двору с папой, обе руки перевязаны, гордая-прегордая, горе-Снегурочка, раненая как на войне, в центре внимания. Все соседи в курсе, все подходят, округляют глаза, без усталости спрашивают. «А вы? А он?» Мы охотно отвечаем снова и снова. Елка удалась!

В 1958 году я летом впервые побывала в Ленинграде. Там маме делали ужасную онкологическую операцию (она потом, и не инвалидом, прожила еще без малого тридцать лет), а мы с папой жили у знакомых, чтобы каждый день в окраинной больнице, где мама лежала в коридоре, ее навещать. Мы в то лето все друг друга любили особенно сильно... Да. Были белые ночи.

Из культурной программы помню помпезный балет «Медный всадник», где меня потрясло декоративное наводнение и тот факт, что оно, как мне объяснили взрослые, из марли. Наверное, в этот момент я – уже тогда клиническая максималистка – наотрез отказалась доверять театру и особенно балету. А вечером хозяйка квартиры, где мы гостили, – чудесная женщина с округлым именем Руня и со стрижкой под мальчика, – прочла мне великую поэму Пушкина, по которой было скроено либретто, вслух. «Нева металась, как больной в своей постели беспокойной», – это было потрясающе, это было и про историю, и про сегодня, и про маму в больнице. Тут я навеки предпочла поэзию – марле иных искусств.

Вскоре (мы уже вернулись из Ленинграда в Москву) к нам пришли гости – итальянцы, прекрасно говорившие по-русски. Был среди них и мальчик Витторио, который очень плохо ел, а мой папа его подбадривал: «Виктор, нажимай на суп!» (Суп был бульон). И тут Витторио – к нашей лингвистической радости – стал и впрямь нажимать на бульонную влагу большой ложкой, недоумевая: «Он жидкий – как же нажать?» После этого у нас в семье на некоторое время возникла стихийная игра, которую я теперь назвала бы оживлением идиом, а тогда просто любила как валянье дурака. Папа: «Ты с ума сошла» – я: «Сошла, но на конечной остановке». Папа: «Одевайся теплее – холод собачий» – я: «Нет, пока еще кошачий». И так далее. А потом незаметно надоело.

У меня сестра Нина – она старше на девятнадцать лет.

Она уже замужем и живет отдельно, но к нам приходит почти ежедневно. Она ярко-рыжая, очень добрая, веселая, обаятельная, я ее обожаю, она учит меня вышивать крестиком. У нас для этого специальные, из сетчатого холста, тряпицы с канвой (мелкими цветными квадратами, чей общий рисунок напоминает стеклянную мозаику в калейдоскопе), круглые пяльцы и мягкие нитки «мулине». Сюжеты на выбор: розовый куст, не то курица, не то жар-птица, ветвисторогий олень. Я стараюсь: вышиваю и медленно, и прилежно – главное, хорошо закреплять узелки с изнанки. До победного конца довела только розу на зеленом стебле – правда, малинового мулине не хватило, и я часть лепестков вышила лиловым. Получился чуть ирреальный гибрид, но нам с Ниной это даже нравится. А один родительский гость поглядел и сказал: «Роза-полукровка!» Я долго думала, что «полукровка» – это ботанический термин, и лишь позднее узнала, что это – я сама.

Нина из салфетки с розой соорудила подушку-думочку: клади под висок, лежи на диване и думай. Чем я и увлеклась – приду из школы, залягу и думаю, думаю, думаю. О будущем, о жизни на Марсе, о смерти... «Индюк думал и в суп попал», – философски рассуждает Граня с сестрой Фросей, которая приехала в Москву по чужим уголовным делам из своего сельского далека, а сейчас они сидят на кухне за тонкой стенкой и пьют чай с оладьями. Фрося заявляет сестре с вызовом: «Скажу лысому, что он кудрявый, а то он озлился», – а Граня отвечает не то одобрительно, не то пресекая: «Ишь ты». Ничего не понимаю. Опять думаю. Не охота расти и взрослеть. Мне боязно и мучит предчувствие, что я с жизнью не справлюсь...

Мой брат Миша – он старше на девять лет, – кончая школу, решил заняться классической вольной борьбой (это когда можно хватать противника за ноги), а также таинственным видом спорта под названием «самбо» (я долго была уверена, что это – древневосточное слово, а оно, как выяснилось, было всего лишь местной аббревиатурой: самооборона без оружия), – и, приходя с тренировок, отрабатывал основные приемы на мне, а я уворачивалась и визжала. Было весело и сердито!

В нашей школе с четвертого класса изучали немецкий язык («дойч») – честно сказать, вполне безрезультатно. На исходе второго года обучения пятиклассник-переросток Валера Кажаринов на вопрос «немки» (кличка): «Was ist das?» – страшным голосом заорал: «Кислый квас!», за что был изгнан из классной комнаты в коридор, а затем перешел в ремесленное

училище и вовсе канул. «Немка» Ирина Рафаиловна после выкрика Кажаринова резко побледнела и все повторяла одно и то же слово, которое нас дико смешило, смутно интриговало и даже тревожило: «Башибузук... Башибузук...» Мы интуитивно понимали, что оно не немецкое, но чье и что означает? Лишь недавно я неожиданно нашла в словаре четкую этимологическую разгадку, вряд ли известную самой Ирине Рафаиловне: «Башибузук – солдат нерегулярной конницы или пехоты в Турции XVIII века (тюрк., от баш – голова, бузук – испорченный)».

Отец другого одноклассника, Виталика Городецкого (кличка – Город) был настоящий чемпион Москвы по... шашкам. Он был профессиональный шашкист. Когда они переезжали из одного подъезда в другой, – а дом, что напротив школы, был сталинского ампира, метростроевский, – то Город-старший, у которого был очень длинный нос и жестко-курчавые локоны, стоявшие дыбом вверх, – все наличные в хозяйстве шляпы, как женские, так и мужские (а в их многосемейном гардеробе было с избытком), надел последовательно: одна на другую и все вместе – на голову. Увенчанный таким тортом-башней, он гордо и задорно прошел через весь огромный двор, и с тех пор метростроевцы, составлявшие дворовое большинство, признали шашкиста за своего мужика и, вопреки тупому антисемитизму, стали уважать.

Когда Городецкие, много позже, уезжали в Израиль, то их всем двором провожали, распивая по скамейкам «Солнцедар».

Вообще, в метростроевском дворе комсомольские активисты когда вечерами напивались, то вместо «Бригантина подымала паруса» пели «Блевантина подымала паруса».

До восьмого класса нельзя было носить в школу: цветные ленты, заколки и обручи – мы, выйдя со школьного двора, сразу же их доставали из тайного отделения в портфеле и свободолобиво надевали.

Дежурства с красной повязкой на рукаве. Бессмысленный сбор макулатуры и металлолома. Перехват учителями записок и вызов родителей.

Мою маму, уже классе в 7-м, по телефону предупредили, что у меня – нездоровое сочувствие Анне Карениной, всплывшее в процессе урока по внеклассному чтению. Предупредила словесница по кличке Люлек, которая с «шестимесечной завивкой» ходила опять же в черном в серую полоску сарафане (мода à 1а Крупская). В ткань в районе диафрагмы постоянно была воткнута крупная иголка с

длинной белой ниткой (забывала вынуть), каковое обстоятельство любой пафос Люлька донельзя снижало.

В буфете на переменах – спитой чай, котлеты за семь копеек и пирожки с повидлом (куда девалось и само повидло, и ласковое слово, его означавшее?).

Вторая запомнившаяся любовь – Жора Крутлов: я в 6-м классе, он – в 9-м. Высокий, мужественный, прекрасный, в воензированной, мышиноного цвета, тужурке. На меня «ноль внимания, фунт презрения», как говаривала бабушка.

Во время большой перемены я – как якобы дежурная – придумываю дело на третьем этаже, чтобы с ним столкнуться возле кабинета зоологии, где у входа – чучело стоящего на задних лапах медведя со спортивной медалью «Крылья Советов» на бечевке, перекинутой через загравок, и равнодушно пройти мимо. Неожиданно краснею до пожара щек! Он добрый и деликатный, он все видит, он отворачивается к окну. За окном орут грачи и вороны. Ранняя весна 1961 года.

В космос полетел Гагарин. Инвалидный рынок окончательно снесли. Мика с Сергеем переехали в отдельную квартиру. Миша поступил в МАИ, съездил на целину, женился. Чуть позже умерла бабушка. У меня родились племянники. По квартирам долго ходил убийца Мосгаз (потом его нашли и выяснилось, что он конкретный человек Ионесян и вроде бы даже учился вместе с нашим покойным Юрой). Я впервые прочла «Темные аллеи», «Сестру мою жизнь», вдруг непоправимо повзрослела и перешла в ШРМ – школу так называемой рабочей молодежи, что в Марьиной роще. Детство и отрочество закончились – началась юность и «другая жизнь».

...Теперь мне пятьдесят – неизбывная ностальгия по мыльным пузырям.

Март 2000.

* * *

Я – в венке из еловых иголок
Не без шишек – стою не у дел...
Как не любящий птиц орнитолог,
Ты зачем на меня поглядел?

Да. Клеймила свободу как иго,
И любила ее благодать,
И рвалась вообще как калика –
То бродяжничать, то оседать.

Это трудно – вернуться, отпрянув:
Занавески как ветер с полей!
...Если пить из граненых стаканов, –
Почему-то печаль веселей.

Повернемся спиною к монархам –
В одиночку распутаем нить...
Наше время закончилось крахом –
При возможности повременить.

(О, сугубая прелесть отсрочек!
В пересменок ушел конвоир,
И бомжи, разведя костерочек,
На помойке устроили пир.)

Ты мне даришь букет иван-чая.
Все как прежде: «хула – похвала».
И – посмотрим на мир, не сердчая,
Ибо поздно

громить
зеркала.

А мой грандиозный город
стал придурковат не в меру.

Храмы – помойки – рынки –
и – «Чей это чемодан?»

Беременная цыганка
гадает в метро офицеру:

Малюсенький, и весёлый,
и, видите, вдребадан.

Она именует болезни –
«испугами медицины».

– Ты, – врет, – высоко летаешь, –
но низко сегодня сел... –

А он желает взаимности
от некоей злой Марины,

И машет, как флагом, сотенкой,
и, знаете, окосел

Вконец! И ему не хочется
ехать на Маяковку.

Лучше на лавке выспаться,
и – дальше во весь опор.

...Я дам ему для Марины
заколку – тире – подковку

И ладонь протяну цыганке.
– У, – скажет, – какой бугор! –

Язычество ль это, ересь,
а может быть, вещей лепет,

За коим таится знание,
как выжить наоборот,

Когда «этот город вязевый»
то тебе оплеуху влепит,

То страстно обლობызает,
то мутной воды нальёт...

* * *

Я говорю волкам:
Тубо! Сочтемся славой.
Вы – клан, а я – вулкан.
И я залью вас лавой

До страшных волдырей!
До судорог во чреве! –
Но слышу: «Ты ж добрей,
Чем кажешься во гневе.

Вот и сойди к волкам
(Тем более к волчатам) –
Как снег, как великан
В смиренности непочатом».

Улечу от тебя, безокого,
Опираясь на палки лыжные...
«Мне не ты законом, а Богово
Поручение внятнoслышное!»

Убегаю, как стрелка ходиков
(Часовая? Но нет, минутная.)
Ибо страсть – это вид наркотиков,
Я ж плохая, но не беспутная.

Уезжаю ночной телегою
Мимо Митина, мимо Свиблова –
И лечу, и парю, и бегаю,
Потому что – «свобода выбора».

(Мимо Тушина, мимо Сокола
С фонарями, как жизнь, разбитыми...)
Я люблю, чтобы лошадь цокала
Неподкованным копытами!

Но, приблизив лицо безбрежное,
Отвергая разлуку шкурою:
«Ну, зачем ты опять за прежнее,
Злая девочка – дура дурую?» –

Скажет он, ослепленный сполохом
Этой нежности, этой ярости...
Дура дурую, олух олухом,
Убегающие от старости.

* * *

Даже если морочит, и плачет,
И пророчит небывшую новь, –
Это прелесть и это не значит,
Что тебя осенила любовь.

Даже если приснится под утро,
Даже если ворвется в строфу,
Даже если сметет как полундра, –
Это всё не свершенье, а тьфу!

Ибо, если в лице человека
Померещился Божий призыв, –
Надо вскрикнуть и выслушать эхо,
По возможности рот закусив.

Я аскезой себя изувечу,
Замурую и выход, и вход
И не сделаю шагу навстречу, –
Если эхо в ответ не поёт.

* * *

Не боялась огня и копья,
Не страшилась воды и недуга...
Пуще всех опасалась себя:
Глубины, закипающей глухо,

И толкающей в нищее зло,
В подозрение, спесь и безволие,
И ломающей напрочь весло
По дороге в открытое море, –

Где я мяла себя и несла
В одинокий свинец поднебесья.
... Что мне, недруги, ваша стрела,
Если самоубийственна песня?

* * *

Ты страстями жила и дурью,
Ты носила себя навыворот...
Говорили тебе: мол, вы бы вот
Поутихли, чем сеять бурю.

Утихала. Но сам цунами
Разбивал твои окна с рёвом!
...Не ходила к вратам царёвым –
Колобродила с пацанами.

Сколь печально твоё кипение,
Солнце северное копейное:
Каждый луч заострён настолько,
Что дробятся сердца и стёкла!

...Ты, бродя деревянным Пудожем
И ловя ледяной транзит,
Всякий раз обмирала: будущим,
И любовью, и смертью разит.

Из «Шведской тетради»

1. Готланд

Дикие розы прильнули к стене в слезах, –
Кажется, что молящие «Смилуйся и приди», –
Алые, мелкие, гордые, острова посреди,
В порту, торгующем рыбой (кто их тут посадил?),
А кирха на реставрации: в стальных «лесах»!

Вотчина лютеранская, втиснутая в мундир,
Военная атрибутика – крейсер... аэроплан...
Впрочем, и гуси-лебеди (лебедь по-шведски *svan*:
Прелесть иноречения как ветер чужих полян),
И колокол в полном здравии: вот, разбудил –

Рано, в казенной келье, до петухов (петух –
Надо же, *tipp* по-здешнему): на́ море, и скорей!
...Я всегда, путешествуя, прочь рвалась, с якорей
(Господи, просквози меня, заморозь и согрей),
С насеста, который – родина, и крест, и одно из двух.

2. * * *

Сколько загадок в чужом языке живет!
Знай поспевай за спиралью его излишка.
Ежик по-шведски, представь себе, *igelkott*,
То есть пиявка, которая разом шишка.

Жизнь любопытна вся, несмотря на чин:
Храм – пивоварня – госпиталь – флаг овечий...
А музейный работник с ключом от руин
Песню сплет про Олафа (ихний вещий

Вроде Олега)... Чайки орут в порту
И норовят проехаться на пароме.
Благодарю тебя за позднюю лепоту:
Быть пилигримшей в родственном окоеме.

3. * * *

Это поздняя осень, но зелены сочные ветки.
А веселый шиповник развесил приманку для птиц.
Лютеранская церковь. Орган. Песнопенье по-шведски.
И кощунственный помысел: «Вера не знает границ».

Я молитвенной плетью унынье из сердца повыбью,
А соседка покрепче – с утра предпочтет закосеть...
Интернат для писателей в маленьком городе Висбю,
Где военные смотры и рыболовецкая сеть.

Вот и кончила опус о связи лубка и модерна,
По родимой привычке воинственно пересолив...
Завяжите шнурки на ботинках, красавица Эрна,
И балтийские камни пошли собирать на залив.

Ни словесность, ни водка уже не спасут наши души:
Надо санки и лыжи вострить на иной ветроград.
Старость – это вечерняя юность (цитата из Ксюши).
...О, какой несказанный, родительский, мощный закат!

4. * * *

Полдень – кирха – в субботу органист исполняет Баха...
Некто – явно чокнутый, наголо бритый, с бородкой,
Башмаки в пыли, рюкзак, на руках собака –
На скамейке сидит, улетающая с улыбкой кроткой.

Пес не менее странный – он внимает Баху и лижет
Руку милую в цыпках: мы с хозяином, дескать, вместе!
...Я не знаю, о чем они думают, что они слышат, –
Только встреча с обоими – подобие важной вести.

5. * * *

Мельница, хвоя, вереск, ветер в лицо до слез...

Крест из лесных дощечек: «Спи под звездами, пес».

Окаменелости моря: *ракур* – вопль немой...

И в небесах над зыбью (Господи!) путь домой.

1998

* * *

Я воротилась. Дрогнул маховик.
Как вещуны, запели шестеренки.
Грибницу распирает – моховик
Набычился. Да здравствуют силенки!

Не силы, нет, тем более – не мощь,
А именно силенки по старинке...
Я счастлива как падчерица рош
С трофеями в полуденной корзинке.

Еще ура глубокому, как вздох,
Желанию одаривать и нежить!
Орехи, шишки, папоротник, мох –
Все голосует против слова «нежить».

Се человек. Влюбляется, и врет,
И делает запасы из варенья.
...Вниз головой – и задом наперед –
И руки-крюки – и... Венец творенья!

Ю.Ковалю

Ногою в клетчатой штанине
Покачивая на весу,
Ты – мой поэт, на окарине
Сыгравший оттепель в лесу, –

И белок хвойные горелки,
И солнца изумленный шар,
И, вечно не в своей тарелке,
Влюбленной памяти пожар, –

И необученных овчарок,
И яблочного снегиря,
И преимущество помарок
Над прописями букваря, –

Ты, не любитель плоских формул,
Мерцающего цвета шнур
Сквозь оторопь свою продернул,
Не проронив ни «цыц», ни «чур», –

А он, как видишь, был бикфордов
И уничтожил вещей знак –
Тебя, не знавшего рекордов,
Но певчего за просто так.

Сколько можно канючить
и жить на проценты от боли?
Я сама на себя
выливаю ушат новизны.
Мне сейчас хорошо, как бывало
прогульщицей в школе:
На газоне лежать, и курить,
и рассказывать сны,
И делиться с друзьями
излишками бреда и срама,
И насвистывать джаз,
и приманивать будущий крах,
И глядеть в небеса,
и – когда раздвигается рама...
...Мне опять хорошо,
как на ранних (ау...) поездах!

Если где лотерея,
то я покупаю билеты.
Если «Овощи-фрукты»,
то мне по карману хурма.
А внизу, в переходе,
любитель рисует портреты,
Где утрирует прелесть, и льстит,
и почти задарма.

У меня сарафан,
у меня босоножки без пятюк
И могучая странность –
выпаривать счастье из бед.
...Да. Была горемыкой.
Но если рассмотрим остаток –
Он блажной, драгоценный
и даже прозрачный на свет.

* * *

О, год проклятый – навет, и змеиный след,
И окрик барский, и жатва чужого хлеба...
И даже кошка, роднее которой нет,
Под Новый Год ушла без меня на небо.

Сквозь крест оконный – портовых огней игра:
Моя пушистая азбуку неба учит...
– Скажи: куда мне? Скажи, что уже пора. –
...Молчит, и плачет, и, всхлипывая, мяучит.

* * *

О.К

Что касается Кельна, – его разбомбили дотла
Исключая Собор, потому что служил ориентиром...
Городское пространство осталось в чем мать родила
С виноватою каверзой плакать вослед бомбардирам.

Это позже сквозняк запоем меж лесов и стропил,
Подбивая природу калькировать что потеряла.
И подумал Господь – и тяжелой печатью скрепил
Накладные бумаги по поводу стройматерьяла.

...Накануне Крещения выпал такой снегопад,
Что похоже на бедствие. Впрочем, светло и привольно...
Начинается эра (какая?) – и птицы не спят,
А поют в витражах. Вот и все, что касается Кельна.

Январь 2001

* * *

Это Альтона. Эльба. Сидим в «поплавке»,
Отражаясь в мерцающей влаге:
Каравеллы, буксиры и пестрые флотские флаги...
– Погадай по руке! –

«Раздвоенье житейской дороги на путь
И тропинку зигзагом... Огромная шишка Венеры.
И успех – не из мрамора, а из легчайшей фанеры...»
– Ты меня не забудь, –

Пианист из Сибири в шарфе demodé
И в фуражке – старинной, веселой, нелепой!
...Дунаевский, и Вагнер, и зимнее небо над Эльбой...
Солнце: демон в воде?

* * *

Еще со времен окропленной чернилами парты
Судьба не писала полотен, а – мелочь, рисунки...
Я слезы и вой усмиряла, как жители Спарты,
Ходившие на людях и в иступленьи по струнке.

Зачем же сегодня – с седою, как лунь, головою
(Навыворот шиворот, чья потрясает изнанка) –
Я плачу, как девочка, и с наслаждением вою,
Свободная, старая и вообще не спартанка?

Затем что безумье уродливо, но соприродно
Небесному шифру, – а мне он дается впервые...
Собой не владею? Зато развернула полотна –
Цветастые, мокрые и, как Творенье, кривые.

* * *

С гонором послевоенной закалки
Кормит ворону старик инвалид.
А на припеке лесные фиалки
Вдруг расцвели меж строительных плит.

Горе заквасит глотком горлодера,
Сам себе закусь, и храм, и стезя...
– Не городи по возможности вздора:
Дескать, любить это место нельзя. –

Можно! (Как дырку латает иголка).
Можно – за родину вставши горой.
...И потихоньку спуститься с пригорка,
И рассчитывать на первый-второй

(Вечно вторая, зады повторяя,
Хитросплетая, свирепствую, вру), –
И замолчать в километре от рая,
И, как фиалка, синеть на ветру

(Слава Всевышнему, что не слукавил:
Пустошь просторнее, чем западня), –
И доживать за пределами правил,
Тут, – где моя вымирает родня.

* * *

Веки опускаются: – Спать, спать, спать...

Бесы изгиляются: – Пить, пить, пить...

Ноги не смиряются: – В путь, в путь, в путь!

Звезды воцаряются: – Петь, петь, петь.

Е. Орловой

Вы меня похороните с поздняязыческой песней.
Но куда еще мне достанется сотня плетей...
Феодосий Черниговский – лекарь от нервных болезней –
С неизбывной загадкой (икона) глядит на людей.

А на улице – месиво: оттепель вместе с метелью.
Завсегдатаи воздуха подняли птичий галдеж...
– Ты сегодня трясешь погремушкой над колыбелью,
А назавтра румянишь и в ящик щелястый кладешь. –

Суеверие – грех, но я дома повешу подковку.
А еще остается покорная выдумке речь, –
Где слова, точно яблоки, можно засунуть в духовку
И до нежного панциря (стало быть – насмерть) испечь.

У меня за спиной – ошибка такого объема,
Что ее не опишет ни проза, ни даже стихи...
«Мы поедem в Сухуми, – сказал мне юродивый Рома, –
И в пещере (...невнятица...) ваши замолим грехи».

Фотография выцвела: девочка в ботах и с муфтой
На грядущие ужасы круглый разинула рот.
...С головою накроюсь лоскутной и дырчатой смутой,
А юродивый Рома плацкарту, ликуя, проплет!

Почти басня

Что любопытнее вскипающей воды?
И своевольничать, и булькать, и скрываться,
И щеки дуть, и петь на все лады,
И вредничать: мол, «хрен тебе с румянца

Мово», – и, злыми пузырями изойдя,
Выстраивать в пару воздушный замок,
И *убегать* (кофейник ли, бадья, –
Прощай, посуда) – вон и прочь из рамок

Хозяйства. Лишь бы огонь! Бурление! Ожог!
...Однако – стоп. Горячей, но смиренной
Водой, не кипятясь, заварит Бог
Любой (мораль) напиток во Вселенной.

Что обреченнее вскипающей воды?
И мы, мой друг, и мы пополнили ряды...

* * *

Океана посередине,
Хочешь гибели – озоруй!
Уплыву от тебя на льдине
В направлении теплых струй.

Скучковавшиеся – спасутся,
Зазимуют, растопят печь...
Но во все времена безумца
Распирало желанье – б е ч ь!

Твердо смотрят глаза сухие.
Отрываюсь – читай: расту –
Под рычание злой стихии.
...Ну, а ты доживай в быту.

Автопортрет на фоне яви

Послесловие

Вопрос о том, должна ли (и насколько способна) лирическая поэзия отражать современную ей реальность, – никогда специально меня не тревожил. Я писала как пишется, как придется, как бог на душу положит – как диктовалось сверху и как накатывало волнами извне. «Вдохновение» (точнее сказать: лихоманка) являлось ко мне в форме боли, восторга или иного какого озноба, от переизбытка коих я просто не могла, не умела избавляться другим путем.

Стихосложение было и остается для меня доморощенным, знахарским видом самоврачеванья в строчках: я выговаривалась – так больному в старину «пускали кровь» – и лишь таким образом душевно выживала. Я рада, если мои абсолютно частные и необобщенно сбивчивые исповеди, мой всего-навсего дневник отражает чуть больше, нежели персональные проблемы и трансформации отдельного нетипичного индивида.

Да, лирика – не газетный очерк, не репортаж с места событий и не фельетон. Однако она – с ее доминантой вечного в акмеистических дырах и накрапах сиюминутного – она-то, лирика, по моему убеждению, осуществляется именно «здесь и теперь». Некичливое пристрастие к повседневности есть свобода поэтики, живущей меж высью вечного и опорой вещного.

Стихи, по которым грядущий археолог не смог бы установить хронотоп их создания (а время и место отражены как в реальной предметности, так и в мистике ритма: совокупность и есть современная м у з ы к а поэтического слова), – такие стихи всегда представлялись мне спесивыми, искусственными и в конечном счете не вполне живыми. Изящной словесности не обойтись без видимого мира, без вещи, без лопухов и лебеды натурального бытия. «И каждый стих гоня сквозь прозу», современный лирик стремится выразить себя и мир вокруг адекватно, в счастливых случаях – безразлично для собратьев по лирическому волнению.

Итак, кривой автопортрет на фоне кривой яви написан – и если оказывается, что выражает он нечто более универсальное, чем твое частное «я» и твой отдельный хаос, – это и есть награда, это и есть преодоление одиночества и чужести, это и есть твое творческое не зря.

Татьяна Бек

1 января 1998 года.

Текст для журнала «Знамя» – по поводу вручения автору журнальной премии 1997 года.

Содержание

Евгений Рейн. Простота и загадка. О стихах Татьяны Бек. /5

- С крючка сорвавши макинтош... /8*
Кто там – Кащей или добрый колдун... /9
Конец апреля /10
    Чудь чудила и мерила меря... /10
    А в конце апреля мы съездили на кладбище... /10
    Морок кончился, ура... /11
Эй вы, мои други-вороги... /12
Отныне жизнь... /13
Не блаженная, нет! Знай ходила в совет нечестивых... /14
С откоса, где в Волгу впадает Ока... /15
Все мои близкие сходят с ума... /16
Думая о вольности и верности... /17
Солдат, сынок, инвалид... /18
Привыкай – разворачивай – режь... /19
Наволочку откопаю в чулане... /20
Напраслину впитав, а не оспорив... /21
Не унижайся, не падай навзничь... /22
Лишь гуляка есть осчастливлен... /23
Пущу с лотка глаголы мамины... /24
В этой стёганой куртке, похожей на праздничный ватник... /25
В Македонии каменных плит... /27
Кто тебя нежит и кто тебя холит... /28
Добже, как мне бы сказали в Польше... /29
Постарела – и зубы выпали... /30
Это кто валандается-мается... /31
«Родиться в России с умом и талантом»... /32
Много ль смысла оно принесло вам... /33
Сила была могучая. Однако ее не хватило... /34
Прозренья мои – как урки... /35
Ты – моя бывшая радость, моя прошлая страсть и ярость... /36
Этот дом я узнала по скрипам... /37
Даже если печаль глубока... /38

Сжала губы полубантиком... /39
Приняв не решение – наркотик... /40
Все равнодушной, все аморфней... /41
О, откуда живешь, – как материя, зреешь... /42
Небеса печальны, темны, волнисты... /43
Испытуя сердца и утробы... /44
Я псалмы прополощу в подкорке... /45
Ненароком оставшись в живых... /46
Кротость, куда ты, мой добрый гений... /47
Мы подростки. Мы прыгнули в кузов... /48
Путаться, гнить и рваться властолюбивым нитям... /49
Падаю! О, протяни мне руку... /50
Эта жизнь – исчадьё дури... /51
То ли сполох беды, то ли радуга... /52
Как горькая строчка на три стопы... /53
Истоцилась и скурвилась ода... /54
Я в детстве, как лесная ель... /55
Какая родословная без мифа... /56
Художница пашет с утра в ателье... /57
Дабы пустошь музыку исторгла... /58
Когда ты пьешь один, когда с улыбкой мрачной... /59
Как расколотый орех... /60
Вы себя гладите, хвалите, холите... /61
Человеку неба мало... /62
Что я поведаю вам, соплеменники?... /63
Depression /64
– Как жизнь прикажешь, если трус на трусе... /65
О, девочка моя неродная... /66
Попрощалась печально и звонко... /67
Лестницей вверх ли с поющею лирою... /68
Вам в привет. Начала /70
Я – в венке из еловых иголок... /81
А мой грандиозный город стал придурковат не в меру... /82
Я говорю волкам... /83
Улечу от тебя, безокого... /84
Даже если морочит, и плачет... /85
Снежную скатерть не вышьет иголка... /86
Не боялась огня и копья... /87
Ты страстями жила и дурью... /88
Любой из нас человек – дыра, сирота, изгой... /89
Из «Шведской тетради» /90
Готланд /90

- Сколько загадок в чужом языке живет... /90*
Это поздняя осень, но зелены сочные ветки... /91
Полдень – кирха – в субботу органист исполняет Баха... /91
Мельница, хвоя, вереск, ветер в лицо до слез... /92
Я воротилась. Дрогнул маховик... /93
Ногою в клетчатой штанине... /94
Сколько можно канючить и жить на проценты от боли... /95
Басня для друга-собачника /96
О, год проклятый – навет, и змеиный след... /97
Что касается Кельна, – его разбомбили дотла... /98
Это Альтона. Эльба. Сидим в «поплавке»... /99
Еще со времен окропленной чернилами парты... /100
С гонором послевоенной закалки... /101
Веки опускаются: – Спать, спать, спать... /102
Вы меня похороните с поздняязыческой песней... /103
Почти басня /104
Океана посередине... /105
- Татьяна Бек. Автопортрет на фоне яви. Послесловие. /106

Татьяна Бек

УЗОР ИЗ ТРЕЩИН

Стихи недавних лет

Компьютерная верстка Л. Бек

Изд. лицензия ИД № 01007 от 18 февраля 2000 г.
Подписано в печать 10.03.02. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 1000 экз. Зак. № 5776

Издательство «ИК «Аналитика»
103012, Москва, ул. Варварка, 6

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Я 25 лет читаю Татьяну Бек и очень редко писал о ее стихах или говорил о них самой поэтессе. Достоинство и стиха, и человека в них было всегда, но в последние годы они приобрели силу голоса и звучания. Поразительна насыщенность этой поэзии. Она именно о том, что необходимо услышать, о чем другие забыли или не решились сказать.

Игорь Шайтанов

Ее автогероиня проделала черную добровольную работу по перемещению из теплицы (розария) в пыльную-грязищу колдобин, кюветов и канав, составляющих “наше священное ремесло” (Ахматова). Последние годы, из сопротивления подземной тяге и постоянной возможности ухнуťся в ухаб, Татьяна Бек говорит только на самой высокой ноте, подтверждая заданный максимализм существования в стихе.

Илья Фаликов

Терзанье пленного духа – главный нерв поэзии Татьяны Бек, ее невидимые миру слезы, ее фатальная тема... Иногда кажется, что тут спорит дух с материей: дух куда-то рвется – материя не пускает. Отсюда – чуть заметная “дрожь” интонации за железными стиховыми ритмами. И беспричинные слезы, сменяющиеся неожиданным смехом. И абсурд, уложенный в логику.

Лев Аннинский

В ее стихах мы видим не только признания в любви многим людям, но и самих этих людей, разъединенных эмиграцией, временем, историей, наконец смертью. Возникает портрет поколения, может быть, никем кроме Татьяны Бек еще не написанный... Именно в ее стихах мы находим настоящую духовность, в смысле – любовь к Богу, не представимую без любви к человеку.

Екатерина Орлова

ISBN 5-93855-012-2

9 785938 550124